

На правах рукописи

ДИЯНОВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ

**ПОЛЕМИКА ГРЕКОФИЛОВ И ЛАТИНСТВУЮЩИХ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Омск – 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», на кафедре отечественной истории.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Сорокин Юрий Алексеевич

Официальные оппоненты: **Никифоров Олег Александрович**, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения», кафедра менеджмента, маркетинга и коммерции.

Контев Аркадий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия», кафедра отечественной истории.

Ведущая организация: Саратовский социально-экономический институт ФГБОУ ВПО «Российский Экономический Университет им. Г. В. Плеханова»

Защита состоится 9 декабря 2014 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.177.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, библиографический отдел; <http://www.omgru.ru/dissertatsionnye-sovety>).

Автореферат разослан «___» 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета

И. И. Кротт

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Традиционно история культурных взаимовлияний России и Запада конструируется исследователями как сложный и противоречивый процесс. Ни в организационном, ни в идейном отношении западное влияние не представляло из себя целостного явления, что нередко приводило к весьма серьезным духовным коллизиям в русском обществе. Не было исключением и XVII в. Господствующее в это время православно-католическое (греко-латинское или греко-западнорусское) влияние, ввиду приписываемых ему противоречий, определялось как первопричина серьезного же духовного конфликта – полемики грекофилов и латинствующих, которая отразилась в перипетиях их идейного противоборства как широкие социокультурные процессы российской действительности, так и конкретные черты своего времени, в частности, политическую и духовную конъюнктуру последней четверти XVII в. Парадокс этого исторического явления, на наш взгляд, заключается в том, что оно случилось вопреки логике развития российского «греко-латинофильства» и представляло собой идейный конфликт, случившийся внутри доселе единого придворного сообщества, спаянного общими культурно-просветительскими установками и социальными практиками. Изучение нюансов греко-латинской полемики даст возможность выяснить действительные ее первопричины, что, в свою очередь, позволит серьезно скорректировать и утвердившуюся в литературе практику освещения данного идейного противоборства.

Актуальность нашего исследования в общеисторическом контексте детерминирована необходимостью соотнесения полемики грекофилов и латинствующих, наряду с другими идейными коллизиями дореволюционной России (борьбой иосифлян и нестяжателей, спором западников и славянофилов и др.) к значимым этапам развития русской общественной мысли. Немаловажна и общественно-политическая составляющая данной темы: анализ особенностей противостояния приближенных к верховной власти придворных группировок предполагает обращение к породившим их глубинным социальным и культурным процессам, нередко являющихся индикаторами кризисных тенденций развития общества и государства в ту или иную эпоху. Рассмотрение же полемики в качестве разновидности социального конфликта позволяет апеллировать к опыту преодоления и разрешения подобных противоречий.

Степень изученности проблемы. Все историографические исследования по теме диссертации можно условно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют работы, посвященные проблемам греко-западнорусского влияния в России XVII в., в широком смысле затрагивающие культурные первоосновы будущего греко-латинского противостояния. Проблема иноземного влияния на русскую культуру и российскую государственность является неотъемлемой составляющей

проблематики дореволюционной исторической науки. Позиции исследователей базировались на признании прогрессивности любого духовного сближения с Европой, пусть и посредством латино-польского влияния, лишь подготавливавшего, по общему мнению, русское общество для подлинной европеизации при Петре I. Греческое же влияние, понимаемое в контексте всего старого, «византийско-церковного», представлялось большинству российских историков реакционной силой, способной серьезно затруднить утверждение на русской почве элементов западной культуры. Указанная дихотомия «греческое-латинское» во многом опосредовала и производную от нее полемику грекофилов и латинствующих. Подобные идеи, нашедшие воплощение в работах авторитетных С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, фактически стали основой для научных построений многих дореволюционных исследователей, обращавшихся к проблеме культурных взаимовлияний XVII в.

В числе наиболее крупных исследований, вышедших в это время, можно указать работы В.О. Эйнгорна,¹ связанные, в частности, с изучением особенностей русско-украинских литературных связей второй половины XVII в. Последние происходили при активном посредничестве западнорусских «культуртрегеров», чья писательская и учительная деятельность на русской почве являлась значимым фактором культурных взаимоотношений двух народов. Данный аспект получил наибольшее освещение в фундаментальной монографии К.В. Харламповича,² которая по своей информативности и широте освещения далеко опередила все подобные исследования в дореволюционной историографии. Это справедливо и в части истории русско-греческих связей в XVII в., изученных Н.Ф. Каптеревым³. В целом, признание значимости православно-католического влияния (в его греко-западнорусской обработке) заставляло исследователей обращать внимание на «механизмы», которые делали возможным подобные межкультурные взаимодействия – здесь уместно упомянуть имя А.С. Лаппо-Данилевского, чей неоконченный труд по истории русской культуры, являлся, по сути, единственным примером научных изысканий подобного рода в дореволюционной историографии⁴.

Советская историческая наука, в силу ряда причин обращается к историко-культурной проблематике только во второй половине XX в.

¹ Эйнгорн В.О. Книги киевской и львовской печати в Москве в третью четверть XVII века. М., 1894; Он же. Очерки из истории Малороссии в XVII в. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899.

² Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т.1. Казань, 1914.

³ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1884; Он же. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. М., 1891 и др.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. М., 1990.

Первоначальная инициатива в этом принадлежала литературоведам, выдвинувшим идею «обмирщения», «секуляризации» русской культуры в XVII в., при этом, в качестве идейной основы данного процесса указывалось именно латино-польское (западнорусское) влияние, выступавшее носителем установок восточноевропейского барокко, «российский» вариант которого получил освещение в работах академиков Д.С. Лихачева и А.М. Панченко,⁵ заложивших основы отечественной историографии данного вопроса.

Интерес, проявляемый исследователями к барочной специфике русской культуры, не мог не получить дальнейшего развития в изучении конкретных воплощений этого явления в российской действительности – нюансов придворной деятельности западнорусских «культуртрегеров»: Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого. Большой вклад в разработку данного вопроса внесли исследования таких ученых, как А.Н. Робинсон, А.С. Елеонская, А.С. Демин, Л.Н. Пушкарева⁶. В целом же анализ общекультурного («барочного») фона западнорусского влияния подготовил источниковую и методологическую базу для изучения и более частных его аспектов, например, русско-украинских и русско-белорусских литературных связей.

Заметим, что вопросы, связанные с русско-греческими связями XVII в. и греческим культурным влиянием, долгое время вынужденно оставались на периферии исследовательского интереса – появление качественных публикаций на этот счет происходит уже в постсоветской историографии. В значительной степени разработка данной проблемы связана с научной деятельностью Б.Л. Фонкича и его учеников, чьи работы внесли большой вклад в изучение истории русско-греческих взаимоотношений⁷.

Обратимся к другому направлению в историографии – изучению проблем, связанных со школьной, просветительской составляющей греко-латинского влияния.

Исследования греко-западнорусского школьного влияния и сопутствующей ему «академической» практики конца XVII в. берут начало в созданном еще в начале XVIII в. «Историческом известии о Московской

⁵ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1958; Он же. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Труды Отдела Древнерусской Литературы (далее ТОДРЛ). Т.26. Л., 1971 и др.; Панченко А.М. Два этапа русского барокко// ТОДРЛ. Т.32. Л., 1977; Он же. Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984 и др.

⁶ Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. – М., 1974; Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978; Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. М., 1982; Демин А.С. Писатель и общество в России XVI-XVII веков. М., 1985.

⁷ Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России в XVII в.//Книжные центры Древней Руси. XVII век. СПб., 1994; Он же. Греческие рукописи и документы в России в XIV-начале XVIII в. М., 2003; Ченцова В. Г. Икона Иверской Богородицы. Очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. М., 2010; Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII в. М., 2011 и др.

Академии»⁸. Данное сочинение, написанное Федором Поликарповым, одним из первых выпускников Славяно-греко-латинской академии, стало фактологической основой для позднейших исследований «академического» вопроса, в особенности, для довольно обширной монографии С.К. Смирнова,⁹ нередко именуемого «первым историком Московской академии».

Обращение к проблеме становления российского школьного и академического образования подтолкнуло исследователей к поискам его первооснов, а именно, тех заимствуемых идей и практик, которые составляли значимую часть греко-латинского культурно-просветительского наследия. Так, особенности греческой образованности XVII в. были рассмотрены в небольшой монографии Е.Е. Голубинского,¹⁰ в то время как история греко-западнорусское просветительство, получившее воплощение в греко-латинских школьных практиках в России в середине XVII в., нашла отражение в исследовании Г. Мирковича¹¹. Оригинальную концепцию становления русской образованности в XVII в. предложил Н.Ф. Каптерев, высказавший предположение об отсутствии какого бы то ни было систематического школьного образования в России в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии¹².

Изучение характерных черт западнорусской «школьной» и «академической» образованности получило подробное освещение в работах К.В. Харламповича, И.А. Татарского и М.И. Демкова¹³. Основная идея, утверждаемая авторами, заключалась в признании тесной связи западнорусской и иезуитской школьной практик, одновременно существовавших на территории Речи Посполитой и взаимно обогащавших друг друга греческими (православными) и латинскими (католическими) образовательными средствами. Конечный продукт такого синтеза – Киево-Могилянская коллегия – также не осталась за рамками исследовательского интереса. Особенности академического статуса, приобретенного Киевской школой в течение XVII в., стали предметом специального исследования в работах Н.И. Петрова и С.Т. Голубева¹⁴.

⁸ «Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова...»// Древняя Российская вивлиофика. М., 1782.

⁹ Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

¹⁰ Голубинский Е.Е. Очерк истории просвещения у греков со времени взятия Константинополя турками до настоящего столетия. М., 1872;

¹¹ Миркович Г. О школах и просвещении в патриарший период // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1878. №7.

¹² Каптерев Н.Ф. О греко-латинских школах в Москве XVII в. До открытия славяно-греко-латинской академии// Прибавления к творениям св. отцов в русских переводах. 1889. кн.4.

¹³ Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI – начала XVII вв. Казань, 1898; Татарский И.А. Православные религиозно-просветительные братства на Руси. Харьков, 1910; Демков М.И. История русской педагогики. Древнерусская педагогика. Ч.1. М., 1913;

¹⁴ Петров Н.И. Киевская академия во второй половине XVII в. – Киев, 1895; Голубев С.Т. Киевская академия в конце XVII-начале XVIII вв.// Труды Киевской духовной академии. 1901. №11.

Работы советских и современных исследователей во многом развивают идеи, принадлежащие их дореволюционным коллегам. Так, одним из первых исследователей, затронувших проблематику развития школьной и академической практики в России в конце XVII в., был А.И. Рогов, посвятивший данному аспекту взаимоотношений грекофилов и латинствующих небольшую статью¹⁵. Значительный вклад в изучение истории реализации на русской почве европейских схоластических принципов внесли работы В.С. Румянцевой, посвященные возникновению греко-латинских школ в Москве в середине-второй половине XVII в.¹⁶.

Одной из центральных проблем новейшего периода историографии является греко-латинская полемика вокруг судьбы Московской академии, изучение которой имеет ряд спорных и дискуссионных проблем, нуждающихся в дальнейшей разработке и разрешении. Последнему в немалой степени могут способствовать некоторые достижения современной историографии, связанные с введением в оборот новых и переосмыслением уже известных источников по данной теме, что в немалой степени связано с исследованиями, проведенными Б.Л. Фонкичем и его учениками,¹⁷ а также с обращением к истории российского образования в контексте западно- и восточноевропейской просветительской традиции.

Перейдем к освещению группы исследований, посвященных изучению церковно-богословской составляющей греко-латинской полемики последней четверти XVII в.

В широком смысле началом историографии богословской полемики грекофилов и латинствующих можно считать выпущенные сразу по ее окончанию «грекофильские» сборники «Остен» и «Щит веры», предназначенные для формирования своего рода «официальной» позиции русской церкви по отношению к вызвавшему широкий общественный резонанс спору о пресуществлении святых даров¹⁸. Примечательно, что многие идеи, высказанные в данных сборниках, невзирая на тенденциозность содержащихся в них положений, были взяты на вооружение позднейшими исследователями, перенесшими в фактически неизменном виде «грекофильские» построения в свои работы.

¹⁵ Рогов А. И. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3;

¹⁶ Румянцева В.С. Русская школа XVII века// Вопросы Истории (далее – ВИ). 1978. №6; Она же. Ртищевская школа// ВИ. 1983. №5; Она же. Тенденции развития общественного сознания и просвещения в России XVII в.// ВИ. 1988. №2.

¹⁷ Фонкич Б.Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в.// Очерки феодальной России. Вып 3. М., 1999; Он же. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева// Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000; Рамазанова Д.Н. Богоявленская школа – первый этап Славяно-греко-латинской академии//Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003 и др.

¹⁸ «Остен». Памятник русской духовной письменности XVII в. – Казань, 1865; «Щит веры»// Горский А.В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел 2. Писания святых отцов. Разные богословские сочинения. М., 1862.

Сама полемика грекофилов и латинствующих, учитывая неоспоримо больший интерес дореволюционных авторов к истории церковных реформ и проблемам раскола, оказалась отодвинутой на периферию исследовательского интереса. Редким исключением является работа Г.О. Мирковича,¹⁹ посвященная анализу конкретно-богословского содержания греко-латинского спора о пресуществлении святых даров – обращение к нюансам возникновения разночтений по данному вопросу не только серьезно скорректировало официальную «грекофильскую» позицию на этот счет, но и в известной мере развивало поставленную еще Н.Ф. Каптеревым проблему церковно-обрядовых взаимовлияний между Россией и ее православным окружением. На взаимосвязь греко-латинской полемики с историей церковных преобразований и следовавших за ними духовных коллизий раскола обращали внимание представители русской церковной историографии конца XIX – начала XX вв.²⁰

Выводам и построениям дореволюционных исследователей на долгие годы суждено было стать основой научных представлений по данному вопросу – ни работы советских авторов, ни исследования представителей русской ученой эмиграции не затрагивали проблематику греко-латинского противостояния. Утвердившиеся в это время положения о примате исторического противостояния государства и церкви наложили серьезный отпечаток на освещение истории идейного противоборства грекофилов и латинствующих: немногие работы советских историков, посвященные данному вопросу, рассматривали его в указанном историческом контексте²¹.

В постсоветской исторической науке интерес к церковно-богословским аспектам греко-латинской полемики заметно усиливается. Во многом это может быть связано с серьезно расширившейся тематикой исторических исследований – так, в сфере научных изысканий вновь оказались такие «забытые» в советское время аспекты греко-латинского влияния как, например, история книжной sprawy. Кроме того принципиальной новизной отличаются работы, посвященные предыстории греко-латинских взаимовлияний на русской почве, в частности, освещению особенностей полемических практик отечественного и западнорусского православия первой половины-середины XVII в. Имели место специальные исследования, посвященные особенностям богословского спора о пресуществлении, основанные на тщательном источниковедческом анализе полемических

¹⁹ Миркович Г.О. О времени пресуществления святых даров. Вильно, 1886.

²⁰ Знаменский П.В. История русской церкви. – М., 1996; Карташев А.В. Очерки по истории русской Церкви. М., 1992.; Тальберг Н. История русской церкви. Киев, 2007; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001 и мн. др.

²¹ Аржанухин В.В. Славяно-греко-латинская академия и православная церковь// Православие в Древней Руси. – Л., 1989; Волков М. Я. Ревнители православия и светская власть в 80-х годах XVII в.// Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990 и др.

сочинений грекофилов и латинствующих²². Важным явлением новейшей историографии полемики грекофилов и латинствующих, несмотря на заметную тенденциозность авторских выводов, можно считать работы А.П. Богданова²³.

Еще одна группа работ – исследования на личностном уровне – в известной мере воплощают в себе единство разных направлений историографии: культурно-просветительского и церковно-богословского, основные положения которых персонифицированы здесь в лице виднейших представителей грекофильской и латинской «партий». Одной из первых попыток биографического анализа была вышедшая в начале XIX в. работа митрополита Евгения Болховитинова «Словарь исторический», в которой в числе прочих православных писателей, приводились сведения о некоторых представителях грекофильского и латинофильского течений²⁴. Не поднимаясь до уровня широких обобщений и глубокого исторического анализа, подобная научно-исследовательская практика получила свое продолжение и в работах позднейших историков. Лишь применительно к последней четверти XIX в. можно говорить о появлении действительно крупных работ по данной теме.

Изыскания, посвященные личностям представителей двух течений, в основном группировались вокруг фигур их лидеров: Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, Епифания Славинецкого и братьев Лихудов. Так, в 1880-е гг. вышли в свет два исторических сочинения, освещающих жизнь и деятельность Симеона Полоцкого, подготовленные историками И.А. Татарским и Л.Н. Майковым²⁵. Всестороннему изучению дореволюционными историками подверглась и биография Епифания Славинецкого, в особенности его литературного наследия и просветительской деятельности²⁶. Отдельно стоит отметить объемнейшую работу А.А. Прозоровского, посвященную ученику Симеона Полоцкого

²² Курукина И.Л. Дискуссия грекофилов и латинствующих конца XVII в.// Филевские чтения. Вып.6. Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII вв. 8-11 июля 1993 г. М., 1994; Панич Т.В. «Книга о пресуществлении» Афанасия Холмогорского в контексте полемики «грекофилов» и «латинствующих»// Русское общество и литература позднего феодализма. – Новосибирск, 1997; Панич Т. В. «Щит веры» – памятник антилатинской полемики конца XVII века: (структура, состав, литературные особенности)// Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000 и др.

²³ Богданов А.П. Перо и Крест: Русские писатели под церковным судом. – М., 1990; Он же. За право «рассуждать». Русский просветитель конца XVII века// Россия XXI. М., 1994. №9-10; Он же. Русские патриархи. Т.2. М., 1998; Он же. Мятежное православие. М., 2008;

²⁴ Митр. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, Грекороссийской церкви. Ч.1. СПб., 1827.

²⁵ Татарский И.А. Симеон Полоцкий: его жизнь и деятельность. М., 1886; Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы XVII-XVIII вв. СПб., 1889.

²⁶ Певницкий В. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы XVII в.//Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1861. Т.2. №8; 1864; Ротар И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. Киев, 1901.

Сильвестру Медведеву,²⁷ заметно выделяется на фоне остальных и другое фундаментальное сочинение – монография М.Н. Сменцовского «Братья Лихуды»²⁸. Помимо вышеперечисленных исследований, достаточно широкое бытование в дореволюционной историографии получили и небольшие работы, посвященные личностям общественных деятелей, которые могут быть отнесены к грекофильской или латинской партии: Паисия Лигарида, Евфимия Чудовского, Кариона Истомина, патриарха Иоакима и др.

В советской историографии интерес к личностной тематике был заметно слабее, чем в дореволюционной: так, в числе описываемых персонажей неизменно присутствовало лишь имя латинствующего Симеона Полоцкого, при этом, едва ли не единственными продолжателями данной традиции оказались советские филологи и культурологи, что и предопределило преимущественно литературоведческую основу такого рода изысканий. Что же касается собственно исторических работ, то в качестве редкого исключения здесь можно рассматривать монографическую статью А.Х. Гофрункеля, посвященную биографии одного из виднейших участников событий греко-латинской полемики – Яна Белобоцкого²⁹.

Только к концу советского периода стали появляться специальные исторические работы,³⁰ содержащие жизнеописания придворных писателей второй половины XVII в., чьи авторы попытались пересмотреть некоторые положения дореволюционной науки, чем, собственно, заложили основу и направление исследований уже постсоветской историографии. Для нее, прежде всего, характерно преодоление существовавшего дисбаланса в освещении представителей латинствующих и грекофилов в пользу последних³¹.

О растущем интересе современных исследователей к личностным аспектам истории общественной мысли и идейной борьбы второй половины – конца XVII в. свидетельствует и тематика ряда диссертаций по истории, филологии, философии, защищенных в последнее время³².

²⁷ Прозоровский А.А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. – М., 1896.

²⁸ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения в духовной жизни конца XVII-нач.XVIII вв. – СПб., 1899.

²⁹ Горфункель А.Х. Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII - начала XVIII вв.//ТОДРЛ. Т. 18. Л., 1962;

³⁰ Жуков Д., Пушкарев Л. Русские писатели XVII века. М., 1972; Богданов А.П. Сильвестр Медведев// ВИ. 1988. №2; Фонкич Б.Л. Новые материалы к биографии Лихудов// Памятники культуры. Новые открытия. М., 1988.

³¹ Сазонова Л.И. Евфимий Чудовский – новое имя в русской поэзии XVII в.// ТОДРЛ. Т. 44. СПб., 1990; Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 1. СПб., 1992; Там же. Ч.2. СПб., 1993; Рулякова Д.Н. Изучение жизни и деятельности братьев Лихудов: источниковая база// Лихудовские чтения. Великий Новгород, 2001 и др.

³² Рамазанова Д.Н. Братья Лихуды и начальный период истории Славяно-греко-латинской академии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2003; Подтергеря И.А. Письма и послания Симеона Полоцкого. Автореф. дисс. канд. филол. наук. СПб, 2010; Никулин И.А. Преосв. Игнатий (Римский-Корсаков) – церковный деятель, писатель и мыслитель второй половины ХУП в. Жизнь и деятельность. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екб., 2013 и др.

Таким образом, в отечественной историографии обращение к тем или иным аспектам полемики грекофилов и латинствующих нашло достаточно широкое бытование. При этом, несмотря на значительное количество исследований, затрагивающих указанную проблему, мы вправе зафиксировать отсутствие специальных работ по указанной проблематике. Сюжеты, связанные с греко-латинской полемикой конца XVII в., в редких случаях становились предметом специального рассмотрения, как правило, «растворяясь» в массиве исследований, посвященных истории русской церкви, литературоведческих или культурологических работах – в этом отношении устойчивой традиции изучения полемики грекофилов и латинствующих в исторической науке попросту не существует, а любое обстоятельное исследование данного вопроса претендует на новацию. Кроме того, несмотря на видимую ясность и устойчивость некоторых исследовательских установок (среди которых: понятия «латинствующие» и «грекофилы», наличие просветительского, богословского и политического аспектов греко-латинской полемики), многие из них нуждаются в серьезной корректировке, уточнении их содержания, ввиду чего дальнейшие изыскания на этот счет имеют настоятельную научную необходимость.

Объектом исследования в настоящей диссертации будет выступать интеллектуальная история российского общества последней четверти XVII в. **Предметом исследования** – многообразие интеллектуальных проявлений греческого и латинского (западнорусского) влияний на русской почве, нашедших отражение в полемике грекофилов и латинствующих конца XVII в.

Целью диссертационного сочинения является выявление особенностей интеллектуальных процессов, связанных с греко-латинским (греко-западнорусским) влиянием в России в XVII в., и, в частности, характера, сущности и исторического значения идейного противоборства грекофилов и латинствующих, воплотившегося в их полемике в последней четверти XVII в.

Поставленная цель предполагает разрешение следующих **задач**:

1) охарактеризовать греко-латинское влияние в России как целостное явление, акцентировав внимание на тех универсальных ценностях и установках, которые могли выступать как объединяющим началом для его греческого и латинского элементов, так и быть источником их противостояния;

2) установить пути проникновения и способы утверждения на русской почве духовной и просветительской составляющих греко-латинского влияния, выступавших как идейная и организационная основы грекофильского и латинофильского течений;

3) определить характер и сущность полемики грекофилов и латинствующих, выявив при этом особенности некоторых ее аспектов: «академического» (борьбы вокруг Московской академии) и церковно-богословского (спора о пресуществлении святых даров);

4) раскрыть содержание взаимоотношений грекофильствующих и латинствующих деятелей со своим светским и духовным окружением, а также влияние социально-политических факторов (покровительственных связей) на характер греко-латинского идейного противоборства;

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Вопреки мнению, утвердившемуся в литературе, в культурном контексте невозможно противопоставить греческое и западнорусское влияния, которые, несмотря на языковую и конфессиональную разнородность, оказались важным каналом по перенесению на русскую почву культурных ценностей восточнославянского барокко, а также европейских схоластических образовательных моделей. Пути проникновения греческого и западнорусского (латинского) влияний в Россию, а также способы восприятия их культурных продуктов русским обществом того времени свидетельствуют о значительной идейной и организационной близости, характерной для формировавшихся в русской придворной среде во второй половине XVII в. грекофильского и латинофильского течений. Общего между ними было больше, чем различий, и напрасно в историографии делали акцент на изучении последних;

2. Статус греческих и западнорусских «культуртрегеров» во многом определялся системой социальных связей с вышестоящими духовными и светскими иерархами, покровительство которых давало придворным писателям не только мощную поддержку их творческих начинаний, но и серьезно опосредовало содержание высказываемых ими идей, а также их литературную и просветительскую деятельность;

3. Полемика грекофилов и латинствующих, несмотря на множественность приписываемых ей смыслов, не была вызвана ни коренной идейной и культурной противоположностью двух течений, ни их глубокими религиозными разночтениями, но, даже воплотившись в форме богословского спора о пресуществлении, представляла сугубо частное явление придворной политической жизни конца XVII в.;

4. Суть и значение греко-латинской полемики были опосредованы не столько конкретным содержанием ее просветительской («противостоянием» греко-латинских академических практик) и религиозной (спором о пресуществлении святых даров) составляющих, сколько редкой для русской общественной мысли ситуацией, когда полемизирующие стороны, споря о нюансах и частностях, обнаруживали при этом полное единодушие по поводу более общих вопросов «историософского» порядка;

5. Итоги и историческое значение полемики во многом определялись последующей историографической традицией (в первую очередь, грекофильской), а не реальным содержанием ее идейных коллизий или действительным характером противоречий, существовавших между ее участниками.

Хронологические рамки исследования охватывают период, условно определяемый второй половиной XVII в. – временем резкой интенсификации греко-западнорусского влияния в России. Бытование самой греко-латинской

полемики будет связано с событиями последней четверти XVII в.: периодом активной деятельности «второго поколения» латинствующих и грекофилов, ставших участниками богословского спора о пресуществлении. В то же время, некоторые задачи диссертации предполагают обращение к сюжетам, предшествующим или последующим изучаемым явлениям.

Методологическая база исследования во многом определяется подходами, выработанными таким направлением современной исторической науки, как интеллектуальная история. Построения и выводы, конструируемые в данной диссертации, вполне коррелируются с основополагающими принципами интеллектуальной истории, в широком смысле предполагающими анализ различных проявлений интеллектуальных процессов прошлого в их конкретно-историческом социокультурном контексте³³. Последнее подразумевает обращение не только к внутренней, «интерналистской» составляющей исследуемых идейных практик (применительно к теме диссертации – конкретному содержанию богословской полемики о пресуществлении или просветительских взглядов греко- и латинофильствующих деятелей), но и к их внешней, «экстерналистской» ориентации, подразумевающей, например, «изучение форм, средств и институтов интеллектуального общения» (в нашем случае это, в частности, творческие коммуникации, характерные для придворной «писательской общины») или «выявление сложных взаимоотношений с социальным контекстом и внешним миром культуры» (в таком контексте выступает система покровительственных связей иноземных культуртрегеров и придворных «интеллектуалов»). В этом отношении методологически правомерным будет активное использование в рамках диссертационного сочинения научных построений, заимствованных у отечественных литературоведов и культурологов, а также некоторых наработок современной исторической антропологии.

Реализация заявленных подходов не противоречит обращению к некоторым общеисторическим принципам и методам (принципу историзма, историко-сравнительному и историко-генетическому методам), в соответствии с которыми факторы и тенденции общественно-политического и духовного развития, имевшие большое значение для изучаемой эпохи, выявлены и сопоставлены в контексте их влияния на идейные коллизии греко-латинской полемики о пресуществлении. Сама же полемика, в свою очередь, проанализирована и как уникальное историческое явление, своеобразный социокультурный феномен последней четверти XVII в.

Среди терминов и понятий, использованных в диссертационном сочинении, ключевым является понятие «полемика», определяемая как особый, специфический способ ведения спора, отличающийся от других его

³³ См., подробнее: Репина Л. П. Интеллектуальная история в современной России: институциональные структуры и исследовательские поля // Пути России. Современное интеллектуальное пространство. – М., 2009; Ее же. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011;

составляющих значительной степень конфронтации ее участников, стремящихся не просто отстоять свою точку зрения, но и опровергнуть мнение оппонента. В итоге, действительной целью полемики (от греч. *polemikos* – «воинственный», «враждебный») является именно победа над противником, низложение его идейных позиций.³⁴ С этой целью полемистами используется целый арсенал средств и приемов, причем «диспутарная» сторона полемики нередко превалирует над ее идейной составляющей, в связи с чем преимущественное внимание в самой полемике уделяется поиску оптимальных способов аргументации, от которых, в конечном счете, зависит доказательность и убедительность доводов полемизирующей стороны.

Источниковая база диссертации.

Многоаспектность полемики грекофилов и латинствующих как социального и культурного явления подразумевает наличие разнообразных освещающих ее исторических источников. Весомая их часть представлена архивными документами из фондов РГАДА, которые, с одной стороны, предоставляют сведения о различных сторонах греко-западнорусского влияния на русской почве (материалы политических и религиозных сношений России с Грецией и Малороссией, дела о выездах иностранцев в Россию, дела Посольского приказа и проч.),³⁵ с другой стороны, свидетельствуют о нюансах взаимоотношений государства, церкви и общества в России XVII в. (материалы Приказа тайных дел, архивы духовного ведомства, секретные, следственные и розыскные дела и др.),³⁶ нашедших прямое отражение в греко-латинском идейном конфликте.

В то же время, несмотря на обширность источниковой базы, представленной архивными данными, нам представляется правомочным обращаться в процессе исследования прежде всего к тем, которые уже опубликованы в научной литературе. В пользу такого решения, на наш взгляд, могут выступать следующие аргументы. Во-первых, важнейшие материалы самого религиозного диспута, полемики между грекофилами и латинствующими, быстро получившей широкую общественную огласку, изначально были ориентированы на публикацию: религиозные сочинения и связанные с ними документы печатались и издавались либо в ходе самой полемики, либо сразу после ее завершения, будучи собранными и сведенными воедино в сборниках «Остен» и «Щит веры» (положившими начало грекофильской историографии данного вопроса). Во-вторых, большая часть архивных документов, так или иначе касающихся греко-латинской полемики, активно публиковалась всеми поколениями отечественных исследователей вплоть до последнего времени. В связи с этим

³⁴Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-на-Дону, 1998. С. 399;

³⁵РГАДА. Ф. 13. Оп. 1.; Ф. 52. Оп. 2; Ф. 52. Оп.3; Ф. 52. Оп. 4; Ф. 124. Оп. 3; Ф. 150. Оп. 1; Ф.159. Оп. 1. Ч. 1; Ф.159. Оп. 2. Ч. 1;

³⁶РГАДА. Ф. 5. Оп. 1; Ф. 6. Оп. 1; Ф. 18. Оп. 1; Ф. 27. Оп. 1; Ф. 146. Оп. 1. Ч. 2; Ф. 150. Оп. 1; Ф. 153. Оп. 1; Ф. 165. Оп. 1; Ф. 179. Оп. 1; Ф. 381. Оп. 1; Ф. 1182. Оп. 1;

репрезентативность опубликованного корпуса источников по данной теме, на наш взгляд, достаточна для того, чтобы основывать на нем историческое исследование, а также строить и научно обосновывать соответствующие выводы.

Использованные в диссертации источники в видовой классификации можно представить следующим образом:

- 1) Законодательные и нормативные акты;
- 2) Делопроизводственные материалы;
- 3) Литературные произведения придворных писателей;
- 4) Политические памфлеты и панегирики;
- 5) Эпистолярное наследие грекофилов и латинствующих;
- 6) Церковно-богословские сочинения.

Первый тип источников разнообразен. В него входят законодательные акты московского правительства, посвященные различным вопросам церковной жизни, в первую очередь, борьбе с расколом и «латинскими ересями», и активно издававшиеся в различных сборниках XIX в.,³⁷ в том числе и в Полном собрании законов Российской империи³⁸. Сюда же следует также отнести официальные указы и постановления, датируемые 1689-1690 гг. и касавшиеся дальнейшей судьбы опального лидера латинствующих Сильвестра Медведева – в силу различных обстоятельств осужденного как церковными (за «отпадение от православной церкви» и активное участие в полемике с грекофилами), так и светскими (в качестве обвиняемого по делу Ф. Шакловитого) властями³⁹. Кроме того, статусом нормативных обладают грамоты и послания всевозможных видов, выражавшие официальную позицию восточной и западнорусской православной церкви, а также конкретных церковных и политических иерархов по некоторым вопросам общественной жизни или в отношении «культуртрегеров», прибывавших в Россию на протяжении XVII в. Часть указанных документов опубликована в приложениях к работам дореволюционных исследователей (Н.Ф. Каптерева, С.А. Белокурова, и др.), некоторые документы нашли отражение в

³⁷ «Окружная Грамота Государя Царя Михаила Федоровича во Сибирь на Верхотурье, воеводе князю Семену Гагарину: о повсеместном собирании и предании огню, напечатанного в Литве Учительнаго Евангелия архимандрита Кирилла Транквилиона Старовецкаго и других книг его же сочинения, наполненных учением еретическим...»// Собрание Государственных Грамот и Договоров (далее – СГГД). Ч. 3. № 77. – М., 1822; Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказа о раскольниках в городах России. 1654-1684 гг. – М., 1990. №№ 51-53. С. 75-78; № 71;

³⁸ «О наказании распевающих и принимающих ереси и расколы» // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 2. – СПб., 1830. № 1102; «О немедленном выезде из Москвы, за распространение соблазнительных и вредных толкований, противных учению Восточной Церкви»// ПСЗРИ. Т.2. № 1351; и др;

³⁹ Соборное постановление о разрешении от церковного отлучения Симеона Медведева// Акты Исторические, собранные и изданные археографической комиссией (далее – АИ). Т.V. №194. – СПб., 1842; «О наказании соучастников в бунте предпринятом ФедькоюШакловитым»// ПСЗРИ. Т. 3. – СПб., 1830. № 1352;

грекофильском сборнике «Щит веры», тексты значительного количества грамот представлены в работах Б.Л. Фонкича и его учеников⁴⁰.

Делопроизводственные материалы в основном представлены актами приказного делопроизводства (Патриаршего приказа, приказа Большого дворца, Казенного приказа и др.), затрагивавшими различные аспекты деятельности придворных писателей: выписки о выдаче наградного жалования за произнесенные речи, челобитные приезжих западноруссов российскому правительству по поводу некоторых спорных вопросов и проч. Интересующие нас документы по большей части опубликованы в сборниках «Русско-белорусские связи», вышедших в 1960-1970-е гг.⁴¹ Нами использованы и выдержки из следственного дела о Ф.Л. Шакловитом, связанные с расследованием событий августа-сентября 1689 г. – времени падения правительства Софьи и перехода власти к молодому Петру. Здесь интерес представляют, в первую очередь, «расспросные речи» Сильвестра Медведева, опубликованные в рамках выдержек из «розыскного дела» о Федоре Шакловитом в исследовании Н. Аристов⁴².

Значительный комплекс источников составляет литературное наследие грекофильствующих и латинствующих писателей, включающее в себя, в первую очередь, их поэтические произведения, из которых наибольшее место занимают сочинения латинствующих «виршеслагателей» – Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина⁴³. В меньшей степени исследована литературная составляющая творчества представителей грекофильской партии: Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, братьев Лихудов – некоторые публикации сочинений этих «культуртрегеров» появляются лишь в последнее время. Отдельно скажем о созданной в стане латинствующих «Привилегии на Академию»: согласно данным новейших изысканий, можно утверждать, что «Привилегия» не была утверждена

⁴⁰ Греческо-русские связи середины XVI - начала XVIII вв. Сост. Б.Л. Фонкич. М., 1991; Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV- начале XVIII в...; Яламас Д.А. Рекомендательная грамота восточных патриархов Братьям Лихудам// Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000; и др.

⁴¹ Запись о выдаче мехов Симеону Полоцкому за поднесение «похвальной» книги на крестинах царевича Симеона Алексеевича (1665 г.) // Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570-1667 гг.). – Минск, 1963; Память из приказа Большого дворца в Казенный приказ о выдаче атласа и меха Симеону Полоцкому за речь, произнесенную перед царем в Грановитой палате (1667 г.) // Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667-1686 гг.). – Минск, 1972; Запись о выдаче денег Симеону Полоцкому из Оружейной палаты (1680 г.)// Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667-1686 гг.)... и др.;

⁴² «Выдержки из розыскного дела о Ф.Л. Шакловитом 1689-1692 гг.»// Аристов Н. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Приложение. Варшава, 1871;

⁴³ См., например: Симеон Полоцкий. Вирши. Минск, 1990; Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М., 2004; Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн.3. М., 1994; Хрестоматия по Древнерусской литературе. М., 1994; и др.

царским указом и не получила законодательного статуса, оставшись, таким образом, выдающимся памятником просветительской мысли XVII в.⁴⁴

Некоторая часть литературного наследия грекофилов и латинствующих представлена в виде стихотворных обращений панегирического жанра, адресованных покровительствующим писателям духовным и светским особам, что дает ценную информацию о характере покровительственных связей в русском обществе второй половины XVII в. Большая часть панегирических сочинений латинствующих опубликована совместно с другими их произведениями, тогда как панегирики «грекофильского» авторства во многом нашли свое отражение в специальном сборнике, изданном в 1980-е гг. под редакцией А.П. Богданова⁴⁵. Публикации некоторых панегирических произведений имели место и в дореволюционной историографии⁴⁶.

Сочинения эпистолярного жанра разнообразны в своем авторстве и содержании. Они представляют значительный интерес в части выявления особенностей личных, профессиональных и покровительственных связей, существовавших между придворными писателями и вышестоящими церковными и светскими властями, а также определения идейных позиций их авторов относительно тех или иных вопросов общественно-политической жизни второй половины XVII в.⁴⁷

Церковно-богословская составляющая творчества придворных писателей тесно связана со спором о пресуществлении святых даров, который послужил грекофилам и латинствующим основанием для написания ряда полемических сочинений. Большая часть произведений этой группы была опубликована еще дореволюционными исследователями: А.А. Прозоровским, Н.Ф. Каптеревым, М.Н. Сменцовским, С.А. Белокуровым.⁴⁸ В новейшее время научное освещение получили и некоторые другие полемические памятники XVII в., не связанные напрямую со спором о пресуществлении, но также имеющие грекофильскую или латинофильскую первооснову.

⁴⁴«Привилегия на Академию»// Древняя Российская Вивлиофика. Ч.1. (январь – июнь 1773). Мышкин, 1891;

⁴⁵См.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики/ Предисл. и коммент. А.П. Богданов. М., 1983;

⁴⁶Лермонтова Е.Д. Похвальное слово Лихудов царевне Софье Алексеевне. М., 1910; Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого/ сообщил Н.А. Смирнов. СПб., 1915;

⁴⁷«Письмо иерусалимского патриарха Досифея братьям Лихудам с приветствием и просьбой об оказании помощи Святому Гробу Господню»// Яламас Д.А. Рекомендательная грамота восточных патриархов Братьям Лихудам...; «Письмо архимандрита афонского Ивирского монастыря Дионисия газскому митрополиту Паисию Лигариду из Бухареста в Москву»// Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV- начале XVIII в...; Письма Сильвестра Медведева/ сообщения С.И. Браиловского. СПб., 1901; и др.

⁴⁸См., например: Сильвестра Медведева «Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем»./ предисл. С.А. Белокуров. М., 1886;

В целом, использованная в диссертационном сочинении источниковая база в совокупности с имеющейся литературой позволяют разрешить поставленные в исследовании задачи.

Научная новизна работы определяется самим предметом исследования, качеством литературной и источниковой базы исследования. При изучении заявленной проблемы впервые использованы методы интеллектуальной истории. В диссертации существенно скорректированы многие устоявшиеся представления о причинах, характере и значении греко-латинской полемики в последней четверти XVII в. Доказано, что идейное противоборство грекофилов и латинствующих не могло быть вызвано коренными различиями их культурно-просветительских установок. Более того, в широком смысле позволительно объединять грекофилов и латинствующих в единую общность как в контексте общих институциональных и организационных факторов их деятельности на русской почве, так и относительно единой системы ценностей, нашедшей выражение в греко-латинской школьной и академической практиках. Доказано, что полемика грекофилов и латинствующих была многоаспектным явлением, которое, несмотря на воплощение в церковно-богословских сентенциях, во многих своих чертах было опосредованным общественно-политической и духовной конъюнктурой последней четверти XVII в. Подведена дополнительная система аргументов под положения, уже высказанные в литературе, но принятые зачастую априори.

Практическая значимость и **апробация результатов диссертационного исследования** состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы при разработке учебных пособий по отечественной истории, при подготовке лекционных курсов и семинарских занятий, спецкурсов и спецсеминаров. По теме диссертации опубликованы ряд статей и тезисов. Основные положения и выводы докладывались и обсуждались на международных (Кокшетау, 2012; Омск, 2013) и всероссийских (Сыктывкар, 2012; Тюмень, 2013) научных конференциях.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обоснованы актуальность, научная новизна и практическая значимость темы диссертационной работы, показана степень изученности проблемы, определены цель и задачи диссертационного исследования, его хронологические рамки, охарактеризованы методологическая основа и источниковая база исследования.

Первая глава **«Становление двух направлений общественно-политической мысли России второй половины XVII в. Латинствующие и грекофилы»** посвящена анализу социокультурных аспектов греко-западнорусского влияния в России, положившего начало формированию

русского «грекофильства и «латинства» как особых духовно-просветительских направлений общественной мысли.

В первом параграфе **«Культурно-просветительские аспекты деятельности грекофилов и латинствующих в России XVII в.»** исследуется взаимосвязь «греко-латинофильских» мировоззренческих установок и творческих принципов с культурными ценностями восточнославянского барокко. Раскрывается сущность барочных универсалий, реализуемых латинствующими и грекофилами на русской почве, в особенности тех из них, которые могли свидетельствовать в пользу близости духовных и просветительских практик двух течений.

Барокко, являясь одним из «великих стилей» западноевропейского искусства XVII – начала XVIII вв., успешно утверждалось и в Восточной Европе, где формировало особое культурное и интеллектуальное пространство. При этом специфические черты восточнославянского барокко способствовали перенесению барочных универсалий в российское общество XVII в. Можно утверждать, что именно барокко выступало базовым источником идей и ценностей иноземного влияния в России, которое, не противопоставляя себя местной православной традиции, являлось мощным фактором трансформации русской культуры на новой «секуляризованной», «ренессансной» основе.

Указанные особенности, несомненно, находили свое отражение в творчестве прибывавших в Россию иноземных «культуртрегеров» – барочных писателей и проповедников, среди которых видное место по праву отводится «ученому западноруссу» Симеону Полоцкому, чья судьба, по меткому выражению А.Н. Робинсона, «как бы в миниатюре иллюстрировала процессы ассимиляции латинско-схоластической барочной культуры на русской почве».⁴⁹ Взгляды Симеона Полоцкого в известной степени могут рассматриваться как выражение культурных ценностей всего придворного писательства в России второй половины XVII в., в широком смысле выступавшего как особое литературное сообщество – «писательская община». В ее состав могут быть включены как латинствующие (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др.), так и грекофильствующие деятели (Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, братья Лихуды), объединяемые на основании устанавливаемых для представителей двух течений ряда общих характеристик. При этом, отмечаемое сходство мировоззренческих установок «грекофилов» и «латинствующих» не было абсолютным – между представителями этих течений существовали противоречия, нередко разгорались споры, вызванные личной неприязнью, творческими, литературными разногласиями и прочими причинами частного порядка.

В итоге, признание существования единой культурной и интеллектуальной среды, утверждавшейся в России посредством

⁴⁹ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982. – С. 15-16;

восточнославянского барокко и персонифицировавшейся в лице придворных литераторов, членов «писательской общины», позволяет констатировать заметную близость определяемых для данной среды «грекофильства» и «латинства», принадлежность к которым должна объясняться скорее личными пристрастиями писателей или особенностями их профессиональной деятельности, но вряд ли сколько-нибудь заметными идейными расхождениями.

Во втором параграфе «Греко-западнорусское «школьное влияние» в России в XVII в.» рассмотрен процесс утверждения на русской почве греко-западнорусского просветительства, проанализированы его содержательная (схоластическая) и организационная («школьная») составляющие, исследовано значение просветительских практик для идентификации российского «греко-латинофильства».

Имеющиеся сведения о связях московского правительства с греческими и западнорусскими землями в XVII в. указывают на то, что в царствование Михаила Федоровича и первые годы правления Алексея Михайловича лидеры греческого и западнорусского духовенства предпринимали неоднократные попытки убедить русские власти в необходимости организовать в России школу «греческого и славянского языков». Мы вправе констатировать единство греко-западнорусских устремлений, несмотря на отсутствие видимых результатов,

Настойчивость, проявляемая греками и западноруссами в части влияния на развитие российского образования, подкреплялась и тем, что утверждаемая ими модель европейской схоластической «учености» как раз и являлась воплощением единства православных и католических (греко- и латиноязычных) образовательных принципов. Даже затеянное Петром Могилой преобразование Киевской коллегии по образцу латино-польских училищ не изменило значения киевской школы для восточнославянского православия, являвшейся, по словам П.Н. Милюкова, «единственным рассадником духовных лиц, обладавших высшим богословским образованием».⁵⁰

Примечательно, что в числе таких «духовных лиц» оказались латинствующий Симеон Полоцкий и грекофил Епифаний Славинецкий – выпускники одной и той же Киевской братской школы. Устойчивое мнение о том, что два «ученых западнорусса», в разное время закончив свое обучение в Киевской коллегии, олицетворяли две различных (греческую и латинскую) модели образования, – нами серьезно скорректировано. Так, представляется более верным не противопоставлять Славинецкого и Полоцкого, но рассматривать их как деятелей разного плана: «келейного ученого» и «придворного пиита», безусловно, отлично образованных, но различавшихся по специфике своей деятельности.

В то же время, как показала дальнейшая практика, латинист Полоцкий, грекофил Славинецкий, равно как и другие греко-западнорусские

⁵⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. – М, 1994. – С. 221;

«культуртрегеры»), оказались у истоков некоторых греко-латинских учебных заведений, организованных в Москве в середине – второй половине XVII в. Таким способом создавалась институциональная основа, которая служила средством укоренения русском общественном сознании «грекофильских» и «латинофильских» установок. В этом отношении греко-западнорусское «школьное влияние» действительно может рассматриваться как свидетельство близости «грекофильского» и «латинофильского» течений, в немалой степени берущих свое основание (как идейное, так и организационное) в просветительской практике первых греческих и западнорусских «культуртрегеров».

В третьем параграфе **«Церковно - богословские аспекты утверждения «латинофильства» и «грекофильства» в России»** исследованы особенности проникновения в Россию греко-западнорусского влияния в контексте его вероисповедной (православно-католической) составляющей, проанализированы те явления внутрироссийской действительности XVII в., которые могли препятствовать или, напротив, способствовать утверждению на русской почве культурных ценностей греко-латинского толка, а также сближению духовных и социальных практик грекофилов и латинствующих.

Применительно к XVII в. «открытость» России западному влиянию была достаточно условной. Сомнительность и даже опасность любых контактов с западной культурой объяснялась вероисповедным характером ее восприятия, в рамках которого превалировало не идейное содержание заимствуемых ценностей, а их религиозная составляющая, долженствующая не нарушать исконную «чистоту» и «благочестие» российского православия. В то же время, даже крайние проявления стремлений отгородить русскую культуру и православную веру от любых посягательств извне не предполагали полного разрыва с греко-западнорусской ориентацией. В итоге, уже в первые годы царствования Алексея Михайловича «конфессиональный изоляционизм» сменяется «духовным универсализмом» – установкой на интенсификацию культурных взаимовлияний, признававшей достаточную ортодоксальность заимствуемых греко-западнорусских идей и ценностей.

Примечательно, что в основе универсалистских позиций лежали осознанные в среде русской духовной и светской элиты («кружка боголюбцев») потребности реформирования, «воцерковления» внутрироссийской духовной жизни. Именно нужды церковных преобразований заставляли русское общество обращаться к духовному опыту своего православного окружения. Как итог, принцип «духовного универсализма» оказался сильнее страха перед «латинскими ересями», а олицетворявшие их прежде греческая и западнорусская традиции приобретали теперь довлеющее значение в российской духовной и общественной жизни.

При этом сами грекофилы и латинствующие, во многом воплощавшие данную универсалистскую реформаторскую практику, одинаково враждебно воспринимались противниками такого рода церковных преобразований – старообрядцами, не видевшими существенной разницы между греко- и

латинофильством. Развернувшаяся литературная полемика со старообрядцами, в которой в той или иной степени принимали участие лидеры грекофилов и латинствующих (например, Симеон Полоцкий и Паисий Лигарид), является дополнительным фактором, сближающим греческое и латинское течения и делающим их сопричастными к масштабным процессам церковной и общественной жизни середины XVII в., участниками которых они, безусловно, являлись.

Вторая глава **«Противоборство грекофилов и латинствующих в последней четверти XVII в.»** посвящена изучению просветительских и церковно-богословских аспектов полемики грекофилов и латинствующих, выявлению существенных характеристик идейного противостояния двух течений в контексте реалий политической и духовной жизни российского общества последней четверти XVII в.

В первом параграфе **«Грекофилы и латинствующие в контексте российской «академической традиции» конца XVII в. – идеи и практика»** исследуется деятельность «второго поколения» латинствующих и грекофилов, связанная с их участием в становлении отечественной высшей школы (Славяно-греко-латинской академии), анализируются особенности греко-латинских «академических» начинаний относительно идейной близости заложенных в них просветительских принципов, а также взаимовлияний последних в рамках российской академической практики того времени.

История утверждения на русской почве греко-западнорусского школьного влияния не лишена устойчивых стереотипов об изначальной «конфликтности» греко-латинофильских просветительских установок. Так, замечания о существовании «образовательной» полемики двух течений, наличествующие в исследовательской литературе, как, правило, априори основываются на признании факта противостояния, борьбы латинофильских и грекофильских проектов высшей школы – будущей Московской академии, а в качестве единственных документальных подтверждений этого указываются два «грекофильских» же полемических сочинения: «Довод вкратце...» и «Разсуждение – учиться ли нам...». Анализ содержания указанных сочинений не позволяет идентифицировать их однозначную культурно-просветительскую направленность. Напротив, присущая данным сочинениям полемика о том, действительно ли «язык еллиногреческий наипаче нужен, нежели язык латинской» является, на наш взгляд, отражением нюансов церковно-богословских коллизий, но никак не примером реального взаимовлияния их просветительских установок в последней четверти XVII в.

Обращение к последним, напротив, демонстрирует нам факт успешного сосуществования латинофильских проектов («Привилегии на Академию» Симеона Полоцкого - Сильвестра Медведева) и грекофильских академических практик (Типографской школы иеромонаха Тимофея и Богоявленской школы братьев Лихудов, предшественниц Славяно-греко-латинской академии), одновременно и с разной успешностью реализующих

идентичные образовательные модели, почерпнутые из единой же греко-латинской культурной среды. Подтверждением этому могут являться как обобщенные характеристики греко-латинофильского просветительства, так и некоторые организационные особенности «внутрироссийского порядка», например, тесные связи греко-латинских школ и Московской академии с церковными и светскими властями, финансирующими их содержание.

Важной особенностью российской академической традиции данного времени было то, что латинофильская «Привилегия на Академию», так и не реализовавшись на практике, подразумевала создание учебного заведения куда более близкого к университетскому типу, чем действительно существовавшая грекофильская Славяно-греко-латинская академия. Другой особенностью можно назвать саму грекофильскую «академическую» практику, воплощавшую в себе многие принципы западной схоластической образованности и успешно сочетавшую латиноязычные средства и методы с «византийской», греко-славянской формой их воплощения.

Таким образом, единая греко-латинская основа академической образованности, подразумевавшаяся в латинофильских проектах и реализованная в грекофильской практике, при видимых нюансах, свидетельствует в пользу идейной и культурной схожести, близости двух течений, нежели о возможности их противоборства вокруг школьного или академического вопросов. Не отрицая факта идейной борьбы грекофилов и латинствующих, отметим, что эта борьба вряд ли опосредована противостоянием их культурно-просветительских установок.

Во втором параграфе **«Спор «о пресуществлении святых даров»** анализируются особенности церковно-богословской составляющей полемики грекофилов и латинствующих – спора о пресуществлении святых даров, раскрываются его идейные (содержательные) и социокультурные (контекстуальные) характеристики.

Разночтения по вопросу о времени пресуществления святых даров во время таинства евхаристии имеют давнюю историю, связанную с накапливающимися различиями в литургической практике православной и католической церквей. При этом, четкая позиция о «совершительном» моменте евхаристии была выработана только католичеством, в то время как православная церковь, несмотря на иное понимание данного таинства, не закрепила его соборным постановлением. Указанное обстоятельство, по мере осуществления книжных и литургических исправлений, стало реальностью и российской церковной жизни: православное и латинское мнения «о пресуществлении» оказались здесь по сути равнозначными.

Вплоть до последних десятилетий XVII в. вопрос о времени пресуществления святых даров, порождал нередкие дискуссии и споры на тот счет – начало же литературной полемики по данному вопросу относится еще ко времени Большого московского собора 1666-1667 гг., найдя отражение в антираскольническом «Жезле правления» Симеона Полоцкого. В этом отношении греко-латинский идейный конфликт второй половины 1680-х гг. представлял собой «второе рождение» спора о пресуществлении,

фактическое начало которого осталось за грекофилами (что связано с публичным диспутом братьев Лихудов с А. Белобочким), а первичную литературную форму ему придали уже латинствующие (а именно, полемические сочинения Сильвестра Медведева).

В то же время, спор о пресуществлении, будучи основой организационного оформления грекофильства и латинства (сторонников «греческого» и «латинского» пониманий евхаристии), не являлся, однако, следствием их коренного идейного противоположения. Напротив, можно говорить о том, что лидеры грекофильствующей партии долгое время сами придерживались «латинского» мнения о пресуществлении, в результате чего «латинские ереси» не вызывали у них резкого неприятия, и вряд ли, исходя только из своей богословской сути, могли стать причиной их полемики с «латинствующими».

Примечателен и ход самого спора о пресуществлении. Уже на первых порах и грекофилам, и латинствующим оказалось весьма затруднительным, опираясь только на богословские аргументы, убедительно обосновывать правоту своей точки зрения. Это, с одной стороны, заставило полемистов обращаться к ругательным выпадам в адрес своих оппонентов, а с другой – привнесло в содержание религиозного спора обличительный пафос в отношении всего «греческого» или «латинского», что в некоторой степени выводило полемику на уровень более глубокого, «историософского» спора. Кроме того, полемика вылилась на улицы и площади, породив народные «любопрения» и «разглагольства». В этом отношении, своеобразный «раскол», произошедший в среде придворных литераторов, мог усугубить уже существующий религиозный раскол русского общества, что грозило серьезными духовными и общественными потрясениями.

В итоге, основной надеждой на избавление от «душепагубного возмущения» для латинствующих и грекофилов стали светские и духовные власти. И если в рамках богословской полемики разрешить этот вопрос (определив при этом «истинное» и «ложное» мнения о пресуществлении) оказалось невозможным, то вмешательство в нее карающего «архипастырского жезла» оказалось решающим фактором в пользу победы грекофилов над своими идейными оппонентами.

Третий параграф **«Противостояние грекофилов и латинствующих в контексте политических взаимоотношений в русском обществе конца XVII в. Покровительственные связи»** посвящен изучению общественно-политических аспектов полемики грекофилов и латинствующих, а именно ее зависимости от системы покровительственных связей, характеризующей взаимоотношения в среде придворных культуртрегеров и могущей идентифицировать действительные грани греко-латинофильского идейного противостояния в последней четверти XVII в.

Спор о пресуществлении, легший в основу противостояния грекофилов и латинствующих, помимо свойственных ему идейных атрибуций, несомненно, был частью более широких общественно-политических процессов, являясь в некоторой степени своеобразным полемическим

выражением противоречий, обуревавших русское общество того времени. В этой связи представляется необходимым обратиться к политической первооснове греко-латинской полемики, рассматривать полемику сквозь призму системы покровительственных связей, находивших успешное применение в государственной практике и занимавшей, по выражению В. Кивельсон, «центральное место в политической философии российского общества».

Социокультурный механизм действия покровительственных связей нашел свое воплощение во взаимоотношениях России с греческим и западнорусским православными мирами: система протекций служила своеобразной гарантией успешности деятельности многих иноземных «культуртрегеров» на русской почве. Конкретным проявлением данного вида покровительственных связей были рекомендательные грамоты, предоставлявшиеся прибывавшим в Россию грекам и западноруссам от имени влиятельных православных иерархов, авторитет и покровительство которых были весомыми аргументами в пользу «значимости» миссии приезжего, его благонадежности.

Другой сферой покровительственных связей являлись взаимоотношения греко-западнорусских культуртрегеров с русской духовной и светской аристократией (в том числе и с самим российским самодержцем), чье покровительство придворным писателям нашло отражение в их литературной практике – панегирическом «виршеслагательстве». Ситуация «писатель и покровитель-меценат», особенным образом характеризовала деятельность таких представителей латинствующей и грекофильской партий, как Симеон Полоцкий, Карион Истомин, братья Лихуды. При этом политическая «пестрость» придворных писателей, подразумевавшая наличие у них разнообразных общественных связей в духовно-светской среде, несколько не отражалась на поддержке их со стороны непосредственных покровителей, главным условием которой являлось признание авторитета и подчинение своему «государю» или «архипастырю».

Аналогичным образом можно охарактеризовать и некоторые нюансы греко-латинской полемики о пресуществлении, где антагонизм лидера латинствующих Сильвестра Медведева с возглавившим грекофильскую партию патриархом Иоакимом являл собой пример нарушения баланса покровительственных отношений – «отпадения» патриаршего «клеветы» (каким был Сильвестр) от власти «первоиерарха. Не выказывавший первоначально особенного желания участвовать в богословских «прениях» и даже идейно близкий к латинствующим патриарх Иоаким в конце концов занимает прогреческую позицию только ввиду необходимости восстановить нарушенный в ходе полемики пиетет перед его архипастырским авторитетом. Борьба с латинофильской оппозицией стала для церковных властей символом противостояния всякому духовному инакомыслию. В то же время, довлеющая необходимость приведения к покорности «выпавших» из лона официальной церкви духовных и общественных деятелей объясняет видимое равнодушие церковных властей к богословским аспектам «латинской ереси»,

в отношении которой так и не было выработано единой соборной позиции, тогда как осуждение идейных установок латинствующих явно уступало место обвинениям в неподчинении церковным властям.

Таким образом, констатируемая нами мировоззренческая близость грекофильства и латинства придает особенные черты разразившемуся между ними идейному противоборству, делая его уникальным явлением духовной и общественной жизни российского общества. Оно отразило в себе как широкие социокультурные процессы российской действительности, так и конкретные черты своего времени, политическую и духовную конъюнктуру последней четверти XVII в.

В **заключении** подводятся наиболее значимые итоги проведенного исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшей работы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

*В журналах, включенных
в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ:*

1. Диянов К.С. А.С. Лаппо-Данилевский о борьбе восточников с западниками//Вестник Омского университета. – Омск, 2011. №3. – С. 81-86;
2. Диянов К.С. «Писательская община» в России во второй половине XVII в. – латинствующие и грекофилы // Вестник Томского Государственного Университета. История. – Томск, 2012, №4 (20). – С. 172-175;
3. Диянов К.С. Проблема авторитета в отношениях власти и подданных в России в последней четверти XVII в. (на примере греко-латинской полемики «о пресуществлении святых даров»)// Вестник Томского Государственного Университета. История. – Томск, 2013, №5 (25). – С. 9-12;

В других научных изданиях:

4. Диянов К.С., Скрипкина Е.В., Сорокин Ю.А. Украинское и белорусское влияние в России в царствование Алексея Михайловича: Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран содружества (история и современность). Вып.4. – Омск, 2010. – С. 6-47;
5. Диянов К.С. Взгляды Симеона Полоцкого на самодержавие // III Омские исторические чтения. – Омск, 2011. – С. 6-16;
6. Диянов К.С. Об организации школы «греческого и славянского языков» в России XVII в. // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: сб. науч. статей/ под ред. В.Н.Худякова. – Омск, 2012. – С. 10-16;

7. Диянов К.С. К вопросу об особенностях православно-католического влияния в России в середине XVII в. // Валихановские чтения-16: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Кокшетау, 2012. – С. 116-120.

8. Диянов К.С. К вопросу о «грекофильстве» Епифания Славинецкого и «латинофильстве» Симеона Полоцкого// Документ в контексте истории: материалы III Международной научной конференции, посвященной памяти профессора А.В. Ремнева/ под ред. А.П. Толочко. – Омск, 2013. – С. 151-155;

9. Диянов К.С. «Просветительство» латинствующих и грекофилов в контексте культурного диалога России и Запада в XVII в.// Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 26 мая 2012 г. – Тюмень, 2013. – С. 130-134;

10. Диянов К.С. Некоторые проблемы изучения идейной борьбы грекофилов и латинствующих последней четверти XVII в.// Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 30 марта 2012 г.). – Сыктывкар, 2013. – С. 27-31.